

51 ГОД жизни отмерила судьба Андрею Платонову. Он родился ровно за четыре месяца до календарного начала XX века — 1 сентября 1899 года, а умер, когда век едва перевалил за календарную же свою половину, — 5 января 1951 года.

Все трагические виражи этого полу-столетия отпечатались в творчестве и судьбе писателя. В юности он искренне поверил в неизбежный рай «военного коммунизма» на земле, согреваемый огнем мировой революции, но великий гений художника, сострадающее сердце гражданина страны и мощный аналитический ум мыслителя привели к раннему и горестному прозрению.

К ОГДА сегодня перечитываешь некоторые статьи А. Платонова 1920 года, закрадывается сомнение: да автор ли «Чевенгура» и «Котлована» писал их? Уж больно велика бездна между юным политическим и социальным экстремистом, яростным и безоглядным преобразователем природы и общества и осознанным весь трагизм, всю угрожающую реальность подобных преобразований художником. Сопоставим для наглядности два текста, которые разделяют всего-то восемь с небольшим лет.

Из статьи «Нормализованный работник», декабрь 1920 г.: «Нормализо-

ван». В той части платоновского архива, что хранится в ЦГАЛИ, есть небольшая папочка с вырезками ранних публицистических выступлений Платонова. Там среди прочих сохранились и две последние из указанных статей, так вот они-то единственные и хранят следы авторской правки, внесенной в текст уже после публикации в газете. Вероятно, Платонов придавал им особое значение, если хотел издать, слегка переработав и объединив под общим названием «О нашей религии».

Так что же это за новая вера такая? Чем объединит она народ, куда поведет?

Если попытаться кратко сформулировать новое платоновское вероучение, то его можно назвать религией пролетарской ненависти. Это как бы обратное христианство, где на смену любви к ближнему пришла ненависть к классовому врагу. Она, и только она, способна создать рай на земле, и лишь ненависть является подлинной любовью пролетарского человечества. Всякому другому человечеству места на земле уже не остается. «Не покорность, не мечтательная радость и молитвы упования изменят мир, приблизят царство Христово, а пламенный гнев, восстание, горящая тоска о невозможности любви. Тут зло, но это зло так велико, что оно выходит из своих пределов и переходит в любовь,

ные большевики. Характерно, что эти люди, никогда не имевшие каких-либо семейных, родовых корней, не знающие, что такое дом, утратили даже внешние национальные признаки. (На эту особенность обратил мое внимание В. Васильев.)

«— Какой же ты нам пролетариат доставил, скажи пожалуйста? — обратился он (Чепурный. — В. В.) к Прокофию. — Это же одно сомнение, и они нерусские.

Прокофий взял знамя из рук Чепурного и прочел про себя стих Карла Маркса на нем.

— Ого — не пролетариат! — сказал он. — Это тебе класс первого сорта, а ты его только вперед веди, он тебе и не пикнет. Это же интернациональные пролетарии: видишь, они не русские, не армяне, не татары, а — никто! Я тебе живой интернационал пригнал, а ты тоскуешь...»

А ведь прав Прокофий: действительно «не пикнет», и вести этих пострадавших бродяг можно куда угодно и на что угодно. И у кого сейчас поднимется рука бросить камень в это российское племя Джан, приведенное проповедниками новой веры в рай учрежденного коммунизма?

Религиозная символика, обрамляющая революционно-идеологические клише, изображалась в платоновской прозе второй половины 20-х годов неоднократно. Можно вспомнить, как

ОТ ВЕРЫ — К ПРОЗРЕНИЮ

История одной идеи

ванная гайка есть лучший кусок социализма, — сказал недавно т. Троцкий. — Так. А нормализованный работник — лучший коммунист... С первого вздоха два ребенка должны жить в разных условиях, соответствующих целям, для которых их предназначает общество. Если один ребенок будет со временем конструктором мостов, а другой механиком воздушного судна, то и воспитание их должно соответствовать этим целям, чтобы механик атмосферного судна чувствовал себя среди моторов, в своем специфическом трудовом процессе счастливым, как в рубашке по плечам... Дело социальной коммунистической революции — уничтожить личность и родить ее смертью новое живое мощное существо — общество, коллектив, единый организм земной поверхности, одного борца и с одним кулаком против природы».

А вот отрывок из рассказа «Усомнившийся Макар» (1929 г.), вызвавшего гнев самого Сталина, причем гнев такой силы, что официальная критика открыла по Платонову стрельбу на уничтожение, редкую даже для тех времен. Герой рассказа Макар Ганушин приходит в ночлежку и обращается к уставшему за день «пролетариату» с упреками за технические «непорядки и утраты ценностей». И класс, явно не чувствующий себя «в своем специфическом трудовом процессе счастливым», «прокричал из дальнего угла некие слова, и Макар их услышал, как ветер:

— Нам сила не дорога — мы и по мелочи дома поставим, — нам душа дорога. Раз ты человек, то дело не в домах, а в сердце. Мы здесь все на расчетах работаем, на охране труда живем, на профсоюзах стоим, на клубах увлекаемся, а друг на друга не обращаем внимания — друг друга закону поручили... Дашь душу, раз ты изобретатель!»

Действительно, может показаться, что эти тексты принадлежат разным авторам. Один яростно призывает ко всеобщей обезличенности человечества в его войне с природой, отводит каждому отдельному человеку роль не более чем винтика в едином социально-техническом механизме, другой же, страдая и мучаясь, художественно исследует ситуацию, в которой эта утопическая перспектива оказалась почти реализованной.

Но дело-то в том, что автор у этих текстов один и тот же. Полная отчужденность колоссальных «целостных масштабов» от отдельных «частных Макаров», из которых и состоит народ, открылась именно Платонову-художнику. Он подверг беспощадному художественному исследованию свою религию, свои социально-экологические и политические принципы, и результаты подобного анализа оказались воистину удручающими.

Я НЕ СЛУЧАЙНО употребил слово «религия». В 1920 году в воронежской газете «Красная деревня» А. Платонов печатает три статьи на одну тему: «Христос и мы», «О религии» и «О нашей рели-

— ту любовь, ту единственную силу, творящую жизнь, о которой всю свою жизнь говорил Христос и за которую пошел на крест. Не вялая, бессильная, бескровная любовь погибающих, а любовь — мощь, любовь — пламя, любовь — надежда, вышедшая из пропасти зла и мрака, — вот какая любовь переустроит, изменит, сожжет мир и душу человека.

Пролетариат, сын отчаяния, полон гнева и огня мщенья. И этот гнев выше всякой небесной любви, ибо только он родит царство Христа на Земле.

Наши пулеметы на фронтах выше евангельских слов. Красный солдат выше святого» («Христос и мы»).

Не могу удержаться и не процитировать еще один характерный фрагмент платоновского революционного вероучения: «Теперь нет русского народа, есть русский рабочий класс, ядро... единственное человечество всей земли.

Есть III Интернационал — отец трудового, свободного и радостного человечества». И далее: «Нет, эту идею, эту общую руководящую мысль коммунизм людям даст. И до нее мы уже дошли, мы открыли религию грядущего, мы нашли смысл жизни человечества. Мы нашли того Бога, ради которого будет жить коммунистическое человечество. Только этого «бога» будут не любить, а ненавидеть, и такой страшной ненавистью, что из нее родится смысл жизни всех» («О нашей религии»).

Мне кажется, перед нами только что прошел своеобразный публицистический конспект «Чевенгура». Могли бы чевенгурцы подписаться под этими статьями? Безусловно. Более того, такого рода идеи развиты и доведены в платоновском романе до абсурда, то есть практически осуществлены и реализованы в художественном мире этого степного городка. Именно классовая ненависть, вошедшая в привычку, ставшая главным принципом существования и основным мотивом тяжелой работы по «выбракровке человечества», объединяет героев романа.

Но если бы объединяла только ненависть, роман не состоялся бы. Это был бы паноптикум, коллекция урода, извергов и убийц. В лучшем случае получился бы роман ужасов, а не одно из величайших трагических произведений литературы XX века. Объединяет героев и любовь, бережное и трепетное отношение их друг к другу, сострадающее и родственное участие к ним автора. Какие бы страшные с общечеловеческой точки зрения действия и поступки ни совершили они, эти люди ни в чем не виновны. Герои «Чевенгура» — жертвы, а не преступники, жертвы истории и доведенной до абсурда идеи, превратившейся в новую, теперь уже идеологическую религию.

Особую роль в «Чевенгуре» занимают образы люмпен-народа, населившего Чевенгур, тех бродяг, нищих, перекати-поле, ради которых и устраивали коммунизм в центре России степ-

въехал Копенкин на лошади Пролетарская Сила в церковь. Именно там помещался чевенгурский ревком, а на амвоне сидела святая троица — Чепурный, Прошка и Клавдюша Клобзд, молодая женщина с таким лицом, «словно она была коммунисткой будущего». Можно вспомнить и сцену из «Сокровенного человека», где Фома Пухов весьма скептически оценивает такую, например, наглядную агитацию: «Один плакат перемалевали из большой иконы — где архистратиг Георгий поражает змея, воюя на адовом дне. К Георгию приделали голову Троцкого, а змею-гаду нарисовали голову буржуа; кресты на ризе Георгия Победоносца зарисовали звездами, но краска была плохая, и из-под звезд виднелись опять-таки кресты.

Это Пухова удручало. Он ревниво следил за революцией, стыдясь за каждую ее глупость, хотя к ней был мало причастен».

Многое можно вспомнить и привести другие примеры злой платоновской сатиры, в которых зрелый художник изображал абсурд идеологической религии классовой ненависти. Но нельзя забывать и того, что Платонов-писатель рассчитывался прежде всего с Платоновым-публицистом, чьи социальные экстремы белго обрисованы в начале этой статьи. В том-то, мне кажется, и тайна подлинного трагизма «Чевенгура» и «Котлована», «Ювенильное море» и «Города Градова», что написаны они бывшим, прозревшим чевенгурцем в самый канун полной победы развитого чевенгуризма, причем написаны не со злобой и высокомерием к великому и несчастному народу, а с горечью и состраданием к нему.

М НЕ кажется, история отношения официальной идеологии к узкоклассовым и общечеловеческим ценностям в последние шесть десятилетий прямо отразилась на судьбе платоновского поэта-творца. Уже в 1929 году, сразу после создания «Чевенгура», попытки его публикации были обречены, а сам роман истолковывался издателями как контрреволюционный, то есть классово враждебный. До смерти Сталина не то что печатать — хранить в семье писателя его рукописи было опасно смертельной. В эпоху первой оттепели, когда классовая ненависть преобразовалась в классовую озабоченность, когда стали возможны публикации некоторых произведений Платонова, Ахматовой и даже «Мастера и Маргариты» Булгакова, печатать «Чевенгур» и «Котлован», «Ювенильное море» и «Шарманку», да хотя бы даже переиздать «Усомнившегося Макара», «Впрок» и «Чече-о» было невозможно. Но эти вещи уже проникли на Запад и, возвращаясь на родину незаконно, в машинописи гуляли по стране. В литературоведческих и критических работах Г. Белой и С. Бочарова, В. Васильева и О. Ласунского, В. Свительского, В. Чалмаева и, конечно же, покойного Льва Алексеевича Шубина идеи и образы малоизвестной и даже запрещенной прозы Платонова прорывались к читателю сквозь цензурные кордоны. Но лишь в последние годы, когда мысль о приоритете общечеловеческих интересов над классовыми перестала быть еретической и крамольной, началось реальное возвращение Платонова к читателю.

Разумеется, и в этом процессе много издержек, неурядиц, торопливости и конкурентной ажютации. Но все это пройдет, все это временно, Платонов же — вечен, и вечна его проза. Теперь уже очевидно, что Андрей Платонов не только НАШ современник, но и современник ВСЕГО живущего сегодня человечества.

Подтвердить эту мысль вновь хочу лишь платоновским текстом. В опубликованных недавно («Огонек», № 33) отрывках из записных книжек писателя есть мысль, важнее которой для народов планеты, мне кажется, нет сегодня ничего. Высказана она в 1931—1933 гг.

«Чтобы истреблять целые страны, не нужно воевать, нужно лишь так бояться соседей, так строить воен <ною> промышленности, так третировать население, так работать на военные запасы, что население все погибнет от экономически безрезультатного труда, а горы продуктов, одежды, машин и снарядов останутся на месте человечества, вместо могильного холма и памятника».

Владимир ВЕРИН

А. П. ПЛАТОНОВ и М. А. ПЛАТОНОВА с дочерью Машей, зима 1950/51 г.